

Анна Сорока
Соня Миронова

МОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ

ЗАКОН ТАЙГИ

Соня Миронова

Мой полицейский. Закон тайги

«Автор»

«Автор»

2026

Миронова С.

Мой полицейский. Закон тайги / С. Миронова — «Автор»,
«Автор», 2026

Я защищаю семьи погибших горняков — и храню документы, за которые хозяин карьера готов убить. Когда его наёмники хватают меня у здания суда, на их пути встаёт Борис Власов, подполковник полиции и начальник районного отдела. Он спасает меня, но отступать я не собираюсь: среди погибших был мой отец. В Каменске олигарху служат даже те, кто должен защищать закон. Борис идёт против них, рискуя погонами и жизнью. За его широкой спиной впервые не страшно. Только как уберечь мужчину, чьи прикосновения заставляют забыть обо всём, если теперь он тоже стал мишенью? Нас двое против целого клана. И каждый шаг к правде приближает опасность — и нас друг к другу.

© Миронова С., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Анна Сорока

Мой полицейский. Закон тайги

Мой полицейский. Закон тайги
Анна Сорока и Соня Миронова

Глава 1

Холодная осенняя морось полосовала лицо мелкими колючими каплями, смешиваясь с запахом прелой листвы и тяжелой, удушливой угольной гари, нависшей над Каменском. Я сбегала по мокрым гранитным ступеням районного суда, и сердце глухо колотилось где-то у самого горла. Под каблуками разъезжалась ледяная пленка грязи. Пальцы в тонкой кожаной перчатке намертво, до судороги, вцепились в ручку тяжелого портфеля. Толстая яловая кожа отцовского портфеля потерлась на углах, но держала надежно: внутри, за плотными картонными разделителями, лежали двести сорок страниц независимого финансового и маркшейдерского аудита гранитного карьера «Волчья Грива». Подлинники. С синими печатями немецких экспертов, с выкопировками тайных взрывных горизонтов и схемами затопления штрека номер три. Документы, за которые олигарх Виктор Платонов уже стер в порошок двоих главных инженеров и из-за которых сорок семей в поселке до сих пор не получили даже тел погибших шахтеров.

Я сделала всего пять шагов по пустынной площади перед зданием суда, когда из-за угла улицы Кирова с оглушительным визгом покрышек вылетел тяжелый черный минивэн с наглухо тонированными стеклами и сорванными номерами. Машина развернулась юзом, взметнув фонтан бурой жижи, и с грохотом запрыгнула колесами на тротуар, наглухо отсекая мне путь к центральному проспекту. Сдвижная боковая дверь с металлическим скрежетом откатилась назад.

Из салона выпрыгнули четверо. Тяжелые армейские берцы, черная тактическая форма без опознавательных знаков, за исключением оскаленной волчьей морды на шевронах частного охранного предприятия «Титан» — личной гвардии Платонова.

— Снегирева, стоять! — рявкнул первый, высокий, с перебитым носом и цепким взглядом убийцы.

Я не стала кричать или звать на помощь: центральная площадь в этот послеобеденный час четверга вымерла, а охранники суда за бронированными стеклами проходной при виде черного минивэна лишь торопливо опустили жалюзи. Я резко развернулась на каблуках и бросилась вглубь старого сквера, надеясь проскользнуть между вековыми лиственницами к чугунным скамейкам и вынырнуть на людной остановке сорок первого автобуса. Но двое нападавших, двигаясь с пугающей армейской слаженностью, срезали угол прямо по засыпанному мокрой хвоей газону. Их тяжелые шаги чавкали в грязи в считанных метрах за моей спиной.

Возле гранитной чаши пересохшего фонтана путь мне преградил второй боевик — коренастый амбал с бычьей шеей. Я резко затормозила, едва не поскользнувшись. Ловушка захлопнулась: сзади наступал старший с перебитым носом, спереди перекрывал проход бугай, а слева высилась замшелая каменная стена дореволюционного купеческого склада.

На бегу я выдернула из кармана пальто смартфон, пытаясь пальцем нажать кнопку экстренного вызова дежурной части полиции. Но на экране не было даже полос сети. Коренастый ухмыльнулся щербатым ртом и повел в воздухе компактной черной коробочкой с тусклым диодом: военный подавитель радиочастот. Они глушили весь сектор, чтобы ни один случайный свидетель не успел сделать звонок или включить стрим.

— Хватит бегать, девочка, — просипел старший, делая плавный, хищный шаг ко мне. — Хозяин не любит, когда важные бумаги гуляют по чужим рукам. Отдай сумку, сядь в машину по-хорошему. Поговорите с Виктором Николаевичем, подпишешь отзыв иска — и поедешь домой пить чай. Живая.

— Назад! — мой голос прозвучал удивительно ровно и звонко, резанув сырой воздух сквера.

Я не собиралась становиться покорной жертвой. Свободной левой рукой я сорвала колпачок с перцового баллончика «Шпага», спрятанного в кармане, и с расстояния вытянутой

руки вдавила распылитель прямо в его самодовольную физиономию. Струя едкого концентрированного морфолида ударила главарю точно в переносицу и открытые глаза.

Главарь истошно взвыл, схватился за лицо и рухнул на колени, слепо загребая мокрый гравий. Но второй наемник среагировал мгновенно: короткий, профессионально поставленный удар тяжелого ботинка сбил мою руку в сторону. Баллончик со звоном отлетел в кусты шиповника.

— Ах ты сука адвокатская! — зарычал бугай, хватая меня за ворот шерстяного пальто.

Ткань с треском лопнула. Двое оставшихся боевиков налетели с флангов, заламывая мне руки назад и выкручивая запястья, стараясь вырвать портфель. Боль обожгла плечевые суставы, дыхание перехватило. Я стиснула зубы до металлического привкуса крови на языке и изо всей силы всадила острый металлический каблук в коленную чашечку нападающего справа. Бандит взвыл от неожиданности, его хватка ослабла, и я рванулась вперед.

Удар в спину сбил меня с ног. Я рухнула на колени на острый, мокрый гравий дорожки. Ладони ободрало до мяса, колючая боль прошла колено, но в ту же секунду я подмяла портфель под себя, накрывая его собственной грудью и животом, вжавшись лицом в холодные камни.

— Держи ее! Пальцы ломай, сумку забирай! — орал ослепленный старший, пытаясь проморгаться сквозь слезы и сопли.

Надо мной навис коренастый. Он занес ногу в тяжелом кованом берце, целясь мне в ребра, чтобы выбить воздух и заставить разжать руки. Я зажмурилась, инстинктивно втянув голову в плечи и готовясь к перелому костей.

И в этот миг промозглую тишину сквера разорвал оглушительный, яростный рев форсированного многолитрового двигателя.

Звук накатил мгновенно — как раскат грома посреди ясного неба. Треск сминаемого чугунного забора, визг широких грязевых покрышек и сокрушительный удар металла о металл заставили землю под моим телом содрогнуться!

Огромный темно-зеленый «УАЗ-Патриот» со специальной бронированной защитой и решетчатым кенгурятником влетел на тротуар, снес две чугунные секции ограды и на полной скорости впечатал свой стальной таран прямо в среднюю стойку бандитского минивэна!

Звук удара напоминал разрыв фугасного снаряда. Минивэн боевиков буквально согнуло пополам; стекла брызнули сверкающим дождем, микроавтобус оторвало от земли, развернуло на сто восемьдесят градусов и с грохотом швырнуло юзом прямо на нас. Я успела лишь откатиться в сторону замшелого бордюра клумбы, задыхаясь от едкого сизого чада горелого сцепления, антифриза и раздавленного железа. Искореженная задняя дверь минивэна замерла в полуметре от моего виска, отсекая нападавших от их машины и оружия.

Из разбитого кармана куртки водителя минивэна, повисшего на сработавшей подушке безопасности, вылетела портативная рация. Динамик зашипел, захрипел, и на всю площадь разнесся глухой, властный, пропитанный неприкрытой злобой голос, который я знала слишком хорошо — голос олигарха Виктора Платонова:

— «Седьмой», прием! Девку кончать на месте, портфель сжечь к чертовой матери, концы в воду! Доложи исполнение!

Я замерла на мокрой траве, вцепившись в ремень своего портфеля, не в силах оторвать взгляд от распахнувшейся водительской двери зеленого внедорожника.

* * *

На мокрый растрескавшийся асфальт опустился тяжелый армейский ботинок сорок шестого размера.

Из высокой кабины УАЗа шагнул мужчина. Исполинского роста, под два метра, с широкими плечами, в расстегнутом черном овчинном бушлате поверх форменного полицейского кителя без галстука. На широких золотых погонах поблескивали по две крупные под-

полковничьи звезды. Рубленые, словно вытесанные из темного таежного гранита черты лица, жесткая седина на коротко стриженных висках и тяжелый, леденящий взгляд серых глаз, от которого у меня внутри все сжалось в ледяной комок.

Он не суетился, не кричал и не прятался за дверцу. Он шагнул вперед, мгновенно перекрывая меня своей массивной спиной, как гранитной скалой, и негромко, но с такой нечеловеческой, вибрирующей силой произнес:

— Оружие на землю. Полиция.

Ослепленный перцем старший боевик в панике выдернул из наплечной кобуры пистолет Ярыгина, слепо направляя ствол в сторону подполковника, и дважды нажал на спуск. Выстрелы прозвучали сухо и хлестко, как удары хлыста. Пуля с визгом срикошетила от капота внедорожника, выбив фонтанчик искр.

Подполковник даже бровью не повел. Он сделал короткое, плавное движение в сторону, уходя с линии огня, и в его правой руке словно из воздуха возник тяжелый вороненый пистолет Макарова. Один точный, ювелирный выстрел на опережение разорвал тишину: пуля пробила правое плечо стрелка. Пистолет наемника со звоном отлетел на брусчатку, а сам боевик с глухим стоном осел в лужу.

Второй чоповец, коренастый бугай, подло бросился на офицера со слепой зоны сзади, занося увесистую стальную монтировку, целясь прямо в затылок.

— Осторожно, сзади! — вырвалось у меня криком отчаяния, хотя я еще даже не знала его имени.

Подполковник словно ждал этого выпада. Не оборачиваясь корпусом, он резко выбросил левую руку назад, намертво перехватил замах за запястье, крутанулся на пятке и с хрустом вогнал собственный локоть снизу вверх в подбородок нападающего. Раздался сухой треск ломающейся челюсти. Монтировка со звоном ударила о чугунный бордюр. Бугай покачнулся, роняя из распахнутого кармана тяжелый пистолет. Я опустила глаза: на темном металле тускло белели следы грубой фрезы — серийные номера оружия были начисто спилены. Это были не чоповские травматы. Это были боевые ликвидаторы, пришедшие убивать меня без свидетелей.

Третий боевик, заметив, что командир занят бугаем, с хищным оскалом рванулся ко мне, выставив длинное лезвие ножа-бабочки. Он хотел успеть перерезать мне горло до того, как его скрутят.

Я не успела даже вскрикнуть. Подполковник сделал всего один шаг, словно преодолел разделявшие нас три метра за долю секунды, левой рукой ухватил наемника за шиворот кожаной куртки, с легкостью пушинки оторвал стокилограммового мужика от земли и с глухим металлическим грохотом впечатал его спиной в чугунную ограду сквера. Решетка жалобно зазвенела, а бандит без звука стек по прутьям на землю в глубокий нокаут.

Четвертый нападавший, тот, кого я ударила каблуком, уже ковылял прочь между деревьями. Борис проводил его взглядом, но остался возле меня. Вся схватка заняла не больше сорока секунд. Вокруг клубился пар от радиатора, пахло пороховой гарью и мокрой землей.

Раненый главарь, зажимая пробитое плечо, попытался на четвереньках отползти в кусты к пролому в заборе. Подполковник неторопливо подошел сзади, наступил тяжелым кованым берцем на его лопатки, припечатывая к асфальту, выдернул из его форменных брюк широкий кожаный ремень и в три секунды намертво стянул запястья наемника за спиной мертвым морским узлом.

Затем он спрятал табельный пистолет в кобуру, застегнул клапан и повернулся ко мне.

Я все еще сидела на мокрой траве, судорожно прижимая к груди изодранный портфель, и мелко, неудержимо дрожала всем телом. В руке я до побелевших костяшек сжимала обломок сухой лиственничной ветки, которую подобрала с земли, готовая защищаться до последнего вздоха, не понимая, кто стоит передо мной: случайный офицер или еще один эмиссар областного генералитета, приехавший изъять компромат под видом ареста.

Мужчина посмотрел на мою воинственную ветку, и в глубине его суровых серых глаз на долю секунды мелькнула теплая, сдержанная усмешка. Он медленно, не делая резких движений, опустился перед мной на одно колено прямо в грязную осеннюю жижу, не обращая внимания на дорогие форменные брюки.

Он бережно, двумя пальцами, поднял выпавший из моего портфеля испачканный лист аудита, стряхнул с него мокрый сосновый игольник и протянул мне раскрытое служебное удостоверение в красном сафьяновом переплете:

— Начальник Каменского РОВД, подполковник Власов Борис Иванович, — его голос звучал низко, густо, с бархатным ровным спокойствием, которое против моей воли пробивало ледяной панцирь шока. — Вы под моей защитой. Бросьте палку, Екатерина Павловна. Больше вас никто не тронет.

Он знал мое имя. Знал в лицо.

Я медленно разжала сведенные судорогой пальцы, и ветка упала в траву. Горло перехватило спазмом, к глазам подступили горячие, злые слезы облегчения.

— Документы... — хрипло выговорила я, указывая подбородком на портфель. — Там аудит... Там доказательства, что Платонов похоронил сорок горняков в затопленном штреке...

— Я знаю, за чем они пришли, — твердо оборвал он, поднимаясь во весь свой огромный рост и протягивая мне широкую, огрубевшую ладонь с мозолями от оружия. — Вставайте. Здесь оставаться нельзя.

Я попыталась опереться на его руку и встать, но правая нога отозвалась невыносимой, острой вспышкой боли в лодыжке. Связки не выдержали падения: перед глазами поплыли серые круги, колени подломились, и я полетела вниз.

Я не упала.

Власов подхватил меня под спину и колени одним слитным, невероятно мощным движением, легко подняв в воздух, словно я была не взрослой женщиной в тяжелом шерстяном пальто, а ребенком. Я испуганно ойкнула и инстинктивно обняла его за шею, утыкаясь носом в жесткое, пахнущее ветром, морозом и крепким табаком сукно его овчинного бушлата. Сквозь форменную ткань я всем телом ощутила жар его могучего тела, мерный, несокрушимый ритм сердца и абсолютную, первозданную защиту, которой у меня не было с самого дня гибели отца.

Он донес меня до передней двери УАЗа, бережно опустил на высокое пассажирское сиденье, закинул мой портфель мне на колени и захлопнул дверь. Затем подошел к стонущему главарю наемников, легко вздернул его за шкуру и швырнул в багажный отсек внедорожника, пристегнув к крепежному кольцу карабином.

В этот момент на дальнем перекрестке площади с диким ревом взревели моторы. Из-за здания главпочтамта наперерез нашему УАЗу вылетели два тяжелых черных джипа «Тойота Ленд Крузер» с включенным дальним светом — оперативный резерв ЧОПа стягивался на помощь разбитому звену.

Власов молниеносно запрыгнул за руль, выдернул из фиксатора у коробки передач короткий автомат АКС-74У, с лязгом дослал патрон в патронник, бросил оружие на колени и вдавил педаль газа в пол.

Глава 2

Двухтонный армейский внедорожник взревел, сорвался с места всеми четырьмя ведущими колесами и, взрезая мокрый гравий, понесся по служебному проезду к выезду с парковки.

Головной джип боевиков летел наперерез под углом девяносто градусов, поднимая сплошную стену грязи из-под широких колес. Их водитель явно шел на таран, рассчитывая запереть нас на узкой полосе между кирпичным парапетом суда и чугунной решеткой парка.

И тут прямо на траекторию несущегося джипа из-за трансформаторной будки неуклюже выковылял человек.

Пожилой мужчина в стареньком, засаленном ватнике, хромающий на левую ногу, с тощей брезентовой сумкой через плечо. Я мгновенно узнала эту нескладную фигуру и седую бороду-лопату: дед Михаил Кузьмич. Старейший забойщик Каменска, отдавший карьере сорок лет жизни и выброшенный Платоновым на улицу без копейки выходного пособия после прошлогоднего обвала.

Кузьмич замер посреди дороги, ослепленный ксеноном черного внедорожника, не в силах отскочить на больной ноге. Джип боевиков даже не притормозил — наемники Платонова не считали шахтеров за людей.

— Борис, человек! Стой! — закричала я, вцепившись в массивную кожаную ручку торпеды.

Власов отреагировал без единого лишнего слова. Его руки на руле сработали с молниеносной точностью каскадера: он резко вывернул баранку влево, выжимая ручник, и бросил тяжелый УАЗ в контролируемый боковой занос, подставляя усиленный стальной швеллер нашего борта прямо под удар бандитской «Тойоты», намертво закрывая старика от наезда.

Водитель наемников в последний миг испугался лобового столкновения, дернул руль, джип вильнул, снес фонарный столб и со скрежетом пропахал обочину, застряв брюхом на бетонном блоке.

Из открытого окна второго джипа высунулся боевик в балаклаве, вскидывая помповое ружье двенадцатого калибра, чтобы расстрелять старика и расчистить проезд.

Я не успела испугаться. Адреналин ударил в виски свинцовой волной. Борис вытащил из кобуры пистолет и положил на панель, освобождая руку для руля. Я увидела оружие, схватила тяжелую рукоять обеими руками, опустила боковое стекло и высунула ствол наружу:

— Стоять, твари! Стреляю на поражение! — крикнула я во весь голос, взводя курок.

Мой выкрик и черный ствол боевого оружия заставили боевика на долю секунды замешкаться: из окон суда уже высовывались клерки, а стрелять в упор в женщину-адвоката на глазах у десятков свидетелей бандиты еще опасались. Этой секунды Власову хватило.

Он включил заднюю передачу, осадил машину назад вплотную к старику, распахнул заднюю дверь и гаркнул:

— Кузьмич, в салон! Живо!

Старик попытался ухватиться за поручень, но колено подломилось. Выскочивший из остановившегося второго джипа наемник уже несся к нему, выставив дубинку. Власов, не выходя из-за руля, высунул в окно короткий автомат и дал одиночный выстрел в асфальт в пяти сантиметрах от носка ботинка нападающего. Крошка гранита брызнула бандиту в лицо, заставив его отпрянуть. Я положила пистолет на панель, перегнулась через спинку сиденья, схватила старика за огрубевшие, мозолистые запястья и с силой, которой сама в себе не подозревала, втащила его в салон на заднее сиденье.

— Держись, отец! — крикнул Власов и нажал газ.

Впереди поперек выезда на проспект Ленина опустился автоматический стальной шлагбаум служебной парковки, заблокированный охраной суда. Красный сигнал семафора резал глаза.

Власов не сбавил ход ни на километр.

— Пригнитесь!

Мощный силовой бампер УАЗа с грохотом перекусил стальную балку шлагбаума, разметал пластиковые щитки и вынес нас на оперативный простор четырехполосного проспекта. В зеркале заднего вида я увидела, как уцелевший черный внедорожник выкарабкался на асфальт и на полной скорости понесся за нами.

На заднем сиденье дед Кузьмич хрипел, судорожно хватаясь за грудь и расстегивая ворот засаленного ватника.

— Дедушка, вы ранены? Где болит? — испуганно спросила я, пытаюсь понять, чем ему помочь.

— Нет... дочка... не ранен, — прохрипел старик, и в его выцветших глазах плеснулся смертный, леденящий ужас. — Я к тебе шел, Катерина... В суд бежал, пока они меня не перехватили...

Он дрожащими, узловатыми пальцами залез глубоко во внутренний шов ватника, разорвал подкладку и вытащил тяжелую, толстую пластиковую карту с магнитной полосой и гравировкой шахтного горизонта.

— Вот... возьми. Это мастер-ключ от дренажной гермодвери штрека номер три и штольни номер четыре. В каньоне она, прямо под скалой Чертова Пальца спрятана... Слушай меня, Катя! Платонов на карьер ящики с промышленным аммонитом завез! Тридцать тонн взрывчатки в тайную камеру замуровали! Хотят горизонт взорвать к чертям, когда проверка нагрянет, и свалить всё на внезапный выброс рудничного метана! Весь карьер похоронят вместе с рабочими, чтобы следы скрыть! Береги карту на теле, дочка... кроме тебя никому правду отстоять...

У меня перехватило дыхание. Тридцать тонн аммонита. Это была не просто авария — это был колоссальный теракт, способный стереть с лица земли не только карьер, но и половину рабочего поселка.

В этот миг черная «Тойота» нагнала нас на узком мосту через реку Каменку. Тяжелый джип ударил наш УАЗ в правое заднее крыло, пытаюсь сорвать машину в занос и выбить сквозь чугунные перила в ледяную реку внизу. Внедорожник вильнул, колеса завизжали на обледенелых стыках моста.

Власов с ювелирной точностью среагировал на удар: коротким рывком ручника он стабилизировал траекторию, повернул руль и встречным контрударом швеллерного бампера подрезал наемников, впечатав их левое переднее колесо прямо в массивный чугунный отбойник моста. Раздался оглушительный скрежет рвущегося металла. Джип боевиков вырвало с моста, закрутило на насыпи, и он рухнул на бок, заблокировав проезд.

Власов не сбавлял скорости, съезжая с моста в лабиринт промышленных переулков за старым локомотивным депо:

— Оставлять Кузьмича в машине нельзя, — бросил подполковник, снимая с рации тангенту. — В РОВД его перехватят подручные прокурора. «Береза», я «Сосна». Точка сброса номер два. Срочно.

Через две минуты на глухой улочке за заброшенными складами УАЗ притормозил. Из тени тополей вынырнула старая неприметная «Нива» без опознавательных знаков. За рулем сидел седой коренастый мужчина в гражданской куртке — отставной майор милиции Семеныч, старый сослуживец Власова. Власов бережно пересадил старика в «Ниву». Машина Семеныча растворилась в лабиринте частного сектора, а Борис вернулся к нам и убрал пистолет с панели в кобуру.

Я нащупала под свитером тонкий прочный шелковый шнур, быстро продела его в ушко магнитной карты и намертво завязала на шее, спрятав пластик под плотную ткань прямо у сердца. Теперь этот ключ был частью меня.

* * *

— Держись, Екатерина. Сейчас начнется самое веселое, — глухо бросил Власов, бросая взгляд в зеркало заднего вида.

Мы выскочили на улицу Горького — разбитый асфальтовый тракт, ведущий через промзону обогатительной фабрики в сторону центра города. Дорога здесь петляла между глухими бетонными заборами и штабелями железобетонных плит.

Внезапно из массивных ворот комбината поперек проезжей части задом выкатился гигантский карьерный самосвал «БелАЗ». Его огромные, выше человеческого роста колеса медленно перекрыли обе полосы движения, выставив непробиваемый стальной борт кузова. Лобовой таран на нашей скорости означал верную смерть.

— Власов! — вскрикнула я, упираясь ладонями в приборную панель.

Борис даже не коснулся тормоза.

— Держись крепче!

Он резко крутанул руль вправо, сминая деревянный дощатый забор старой лесопилки. УАЗ с треском проломил трухлявые доски, пролетел по кучам опилок, взметнув желтое облако пыли, промчался по технологическому двору между штабелями вековых бревен и сквозь выбитые пожарные ворота вылетел на параллельную грунтовую насыпь, тянувшуюся вдоль железнодорожной ветки.

Но у ворот фабрики нас уже поджидал резервный экипаж Платонова: тяжелый пикап «Форд» с установленной в кузове турелью. Из люка высунулся стрелок в маске и открыл шквальный огонь из автоматического карабина «Сайга».

Очередь тяжелых свинцовых пуль хлестнула по нашему правому борту. Заднее боковое стекло брызнуло в салон миллионом мелких осколков, осыпав мне плечи. Пули прошили решетку радиатора. Из-под капота УАЗа мгновенно повалил густой, едкий белый пар, пахнувший сладковатым антифризом. Стрелка температуры двигателя на панели приборов дернулась и поползла в красную зону.

— Пробили радиатор, — спокойно, без тени паники констатировал Власов, переключая рычаг раздаточной коробки на пониженную передачу. — Ничего. До Советской этот трактор дотянет даже на сухую.

Колеса нашего внедорожника буксовали на крупном гранитном щебне насыпи. Пикап боевиков летел параллельно по ровному технологическому асфальту карьерной ветки, неотвратно нагоняя нас и готовясь срезать в борт перед железнодорожным переездом.

Впереди замигали тревожные красные огни переездной сигнализации. Звон колокола резал уши. Из асфальта с гидравлическим шипением начали подниматься массивные стальные плиты противотаранных барьеров-заградителей, а полосатый шлагбаум плавно пошел вниз.

Из-за крутого лесного поворота раздался оглушительный, сотрясающий землю гудок тяжелого дизельного тепловоза: к переезду на полной скорости приближался грузовой состав — сорок груженных гранитом полувагонов весом под четыре тысячи тонн.

— Боря, поезд! Мы не успеем! — крикнула я, видя, как стальные барьеры поднимаются уже на уровень бампера.

— Успеем, — отрезал он, вжимая педаль газа до упора в пол.

УАЗ взревел на пределе возможностей, взлетел на железнодорожную насыпь, подпрыгнул всеми четырьмя колесами, с треском снес пластиковый кончик опускающегося шлагбаума и на брюхе перевалил через головку рельса за полторы секунды до того, как поднявшиеся барьеры наглухо заперли переезд.

Пикап наемников пошел на безумный таран, надеясь проскочить следом. Их тяжелая машина на полном ходу снесла поднятый стальной барьер, вылетела на рельсы...

И в эту секунду многотонный локомотив врезался в борт пикапа.

Удар был такой силы, что машину боевиков просто расплющило, как пустую пивную банку, разорвало пополам и швырнуло в глубокий скальный овраг под насыпью. Грохот колес рудного состава заполнил все пространство. Бесконечная стена гремящих железных вагонов встала между нами и остальной погоней, отрезав преследователей на драгоценные минуты.

Мы были на той стороне.

Из-под капота нашего УАЗа уже валили клубы сизого пара и дыма. Двигатель тяжело, надрывно троил, глухо стуча шатунами. Машина теряла ход, накатом переваливаясь через разбитые перекрестки рабочей окраины.

— Полтора километра осталось, — произнес Власов, уверенно удерживая руль одной рукой. Вторая его рука лежала на автомате. — Сейчас выкатимся на Советскую.

На въезде на центральную улицу города, прямо у светофора, поперек дороги стояла патрульная машина ДПС с включенными синими проблесковыми маячками. Двое инспекторов в светоотражающих жилетах — прикормленные Платоновым оборотни — стояли на проезжей части, демонстративно расстегнув кобуры и выставив жезлы для принудительной остановки.

Власов даже не подумал тормозить. Он снял тангенту громкоговорящего устройства и включил наружный мегафон. Его громовой, леденящий бас раскатился над улицей, перекрывая вой sireны:

— Экипаж сорок два, принять вправо и лечь мордой на капот! Говорит начальник РОВД подполковник Власов! За попытку воспрепятствовать спецмашине открываю огонь на поражение из автомата!

Инспекторы побледнели, узнав изрешеченный пулями УАЗ своего нового начальника, и в паническом ужасе бросились на обочину, едва не кувыркаясь в придорожный кювет.

Дымящийся, скрежещущий металлом внедорожник на последних оборотах умирающего мотора ввалился в створ улицы Советской.

Глава 3

Тяжелые кованые ворота районного отдела полиции с грохотом распахнулись дежурным нарядом, и наш УАЗ ввалился на асфальтированный плац внутреннего двора. Едва колеса пересекли створ ворот, мотор с глухим металлическим ударом заглох навсегда. Из-под капота хлынул клуб кипящего антифриза.

Во дворе царил шок. Десяток дежурных полицейских в бронежилетах замерли, глядя на изрешеченную машину командира с выбитыми стеклами и оторванным бампером.

Власов выбил ногой перекошенную водительскую дверь, спрыгнул на асфальт и громовым строевым голосом отдал приказ:

— Ворота на засовы! Бронежиты к въезду! Объявить гарнизону план «Крепость»! Личному составу получить автоматическое оружие и боекомплект по боевому расписанию!

Плац мгновенно ожил. Завыла сирена тревоги, тяжелые стальные ворота сомкнулись со скрежетом засовов.

Власов подошел к багажнику, распахнул заднюю дверь, за шиворот выволок связанного командира нападавших наемников и швырнул его под ноги подбежавшему капитану Громову:

— В шестую камеру ИВС. Круглосуточный конвой с автоматами. Связь с внешним миром отрезать начисто. Изъять оружие, оформить протокол задержания по двести девятой — бандитизм и покушение на убийство.

Капитан Громов — молодой, жилистый опер с умными и дерзкими глазами — побледнел, взглянув на шевроны пленного, и тихо доложил:

— Борис Иванович... у вас в приемной уже сорок минут сидит заместитель прокурора района Воронов. С внеплановой проверкой. Требуется немедленно выдать все материалы по комбинату и грозит представлением об отстранении...

— Сейчас я с ним поговорю, — процедил Власов с пугающим спокойствием.

Он обошел машину и распахнул мою дверь.

Я попыталась опереться на порог, но силы внезапно оставили меня. Пережитый дикий ужас, боль в подвернутой лодыжке и леденящий холод мокрой одежды дали о себе знать: ноги подкосились, портфель выскользнул из ослабевших пальцев, и я начала оседать на мокрый асфальт.

Власов подхватил меня за талию, второй рукой перехватил портфель, не дав ценным документам коснуться грязи, и одним движением накинул мне на плечи свой огромный, тяжелый овчинный бушлат. Сухое, животворное тепло его одежды мгновенно окутало меня, отсекая промозглый ветер.

— Держись за меня, Екатерина, — тихо сказал он, поддерживая меня под локоть и увлекая по ступеням крыльца в здание.

На третьем этаже, прямо у дубовых дверей кабинета начальника, нам наперерез вышагнул холеный мужчина в дорогом кашемировом пальто и золотых очках — зампрокурора Воронов. В руках он нервно сжимал кожаную папку с гербом.

— Власов, ты перешел все границы! — взвизгнул Воронов, брызгая слюной. — Что за стрельба посреди бела дня?! Мне только что звонил начальник службы безопасности карьера Зубов! Ты незаконно задержал сотрудников лицензированного ЧОПа и похитил ключевого свидетеля Снегиреву! Немедленно освободи людей и передай гражданку прокуратуре для следственных действий! Вот мое постановление об изъятии материалов!

Он сунул белую гербовую бумагу прямо в лицо Власову.

Борис остановился. Медленно перевел взгляд с бумажки на лицо прокурора. Затем спокойно взял постановление двумя пальцами, не глядя разорвал его пополам, сложил обрывки и с сухим шорохом бросил их прямо под начищенные туфли Воронова.

— Нападение на офицера полиции при исполнении. Попытка вооруженного похищения адвоката. Статья двести девятая — бандитизм. И соучастие в подготовке теракта, — каждое слово Власова падало, как свинцовая гиря. — Твои чоповцы уже дают показания в подвале. А теперь пошел вон из моего отдела, Воронов. Пока я не оформил тебя в соседнюю камеру за укрывательство особо тяжкого преступления.

— Ты... ты с ума сошел! Ты пожалеешь! Тебя сгноят в колонии! — задыхаясь от бессильной ярости, зашипел прокурор, но, натолкнувшись на ледяной прицел глаз подполковника, попятился назад к лестнице и позорно сбежал.

И в эту секунду на столе дежурного офицера истошно зазвонил тяжелый телефон правительственной закрытой связи — знаменитая «вертушка».

Дежурный снял трубку, побледнел как полотно и вытянулся по струнке:

— Товарищ подполковник... Заместитель начальника областного главка генерал-майор Евгений Петрович Хлыстов. Лично вас.

Власов подошел к стойке, взял массивную трубку. Из мембраны на весь холл разнесся оглушительный генеральский бас, вибрирующий от бешеного давления:

— Власов, твою мать! Ты что там устроил в районе?! Мне губернатор звонит, инвесторы в шоке! Ты сорвал плановую операцию ЧОПа по проверке режима! Немедленно отпусти задержанных, сдай Снегиреву ее адвокатской палате и положи материалы на стол прокурору! Даю тебе двадцать четыре часа, иначе я лично сорву с тебя погоны и закатаю в Лефортово за превышение полномочий!

Власов слушал три секунды, не меняясь в лице. Затем ровным, чеканным офицерским тоном произнес в трубку:

— Товарищ генерал. На отдел совершено вооруженное нападение бандформирования. Личный состав отражает террористическую угрозу согласно боевому расписанию гарнизона. В районе плохая погода, связь неустойчива.

И с сухим щелчком Власов выдернул толстый телефонный кабель прямо из распределительной коробки на стене.

Тишина, воцарившаяся в коридоре, была оглушительной. Дежурные опера замерли в благоговейном оцепенении. Подполковник только что сжег все номенклатурные мосты, открыто бросив вызов областной мафии в генеральских лампасах ради спасения закона и моей жизни.

Власов повернулся ко мне, открыл массивную дубовую дверь своего кабинета и мягко подтолкнул меня внутрь:

— Входи, Катя.

Он захлопнул дверь на два оборота ключа, опустил тяжелый стальной засов и усадил меня на старый кожаный диван в углу. Меня начала сотрясать крупная, неудержимая нервная дрожь. Зубы выбивали дробь, пальцы онемели.

— Они не остановятся... Борис Иванович, вы не понимаете... — шептала я, сжимая виски и чувствуя, как слезы обжигают щеки. — У Платонова куплены все. Главк, прокуратура, судьи... Они сотрут вас в пыль... Из-за меня вы потеряете всё — звание, службу, жизнь...

Власов молча подошел к электрочайнику на тумбочке, налил в толстую граненую кружку кипятка, бросил три куска сахара и опустил пакетик крепкого черного чая. Затем подошел к дивану, опустился передо мной на корточки прямо на дощатый пол, взял мои ледяные дрожащие ладони в свои огромные горячие руки и вложил в них кружку, накрывая мои пальцы своими.

— Попей горячего, — мягко сказал он. В его голосе не осталось командирской жесткости — только бесконечная, обволакивающая мужская нежность. — И посмотри на меня.

Я подняла глаза, полные слез.

— Мой отец погиб на этой земле, — тихо произнес Борис, глядя прямо мне в душу. — И младший брат Сергей погиб, защищая закон от таких, как Платонов. Я двадцать лет ношу эти

офицерские погоны не для того, чтобы кланяться ворам и генералам-предателям. Ты принесла правду, Катя. Ты сделала то, на что у всего города духу не хватило. Пока я жив, ни один волос с твоей головы не упадет. Ты веришь мне?

Я посмотрела в его спокойные, надежные серые глаза, вдыхая запах морозного воздуха от его одежды, сделала глоток обжигающего сладкого чая и тихо выдохнула:

— Верю.

Власов поднялся, подошел к тяжелому стальному сейфу в углу кабинета, открыл толстую бронированную дверцу, бережно положил внутрь мой кожаный портфель с оригиналами аудита и с металлическим гулом провернул кодовый лимб. Затем достал из ящика стола связку ключей от служебной машины и личного дома:

— В твоей квартире уже обыск — опера доложили, там засада. В гостиницу нельзя, на улицу тем более. Ночевать в казенном кабинете я тебе не позволю — здесь ночью будет стоять оцепление. Поедешь ко мне. На Лесную улицу. Там глухой забор, кирпичные стены, мой пес Гром и надежный арсенал. С этой минуты, Екатерина Павловна, ты находишься под моим личным надзором.

Я невольно коснулась рукой груди сквозь шерсть свитера: твердый пластиковый контур магнитной карты от тайной штольни под Чертовым Пальцем мерно согревал кожу. Тайна заминированного аммонитом карьера оставалась со мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.